

Леонид Поляков, Михаил Пашков

Треугольник НАТО-ЕС-Украина: новые угрозы требуют новых подходов и совместных усилий

Попыткой понять и оценить суть динамичных процессов формирования новой архитектуры европейской безопасности, места и роли в них Украины стала международная профессиональная конференция «Треугольник НАТО-ЕС-Украина: новые угрозы требуют новых подходов и совместных усилий», которую 26 сентября провел Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова (УЦЭПИ) при содействии Офиса информации и прессы НАТО.

Центр Разумкова уже давно планировал обратиться к этой проблематике, еще задолго до трагических событий в США, лишь подтвердивших обеспокоенность экспертов тем, что происходит с европейской безопасностью.

В ходе проведения исследований эксперты УЦЭПИ получили некоторые неожиданные результаты.

- Через 10 лет после «холодной войны» (!), в условиях явного обострения «невоенных угроз» (терроризма, нелегальной миграции, нелегальной торговли оружием и наркотиками и т. п.) **проблема безопасности в Европе все еще ассоциируется преимущественно с военной безопасностью.**
- Украина поддерживает плодотворное и потенциально выгодное сотрудничество с НАТО, но **около половины украинцев считают НАТО агрессивным блоком и критично оценивают расширение альянса на Восток.**
- Военная структура ЕС – силы быстрого реагирования – еще только создается, о ней мало что известно, но **позитивно настроенное к ЕС население Украины уже предпочитает сотрудничество Украины в военной сфере именно с ЕС, а не с НАТО.**

Впрочем, общий вывод таков: существуют объективные предпосылки того, что объединенная Европа рано или поздно

станет намного более весомым глобальным субъектом не только в экономике, но и в сфере безопасности. Для Украины развитие структур безопасности ЕС – это возможность параллельно с укреплением особого партнерства с НАТО развивать отношения в сфере безопасности и обороны с ЕС, вступление в который является стратегической целью Украины. Поскольку отныне интересы ЕС сосредоточены не только в политике и экономике, но и в сфере безопасности, это увеличивает шансы нашей страны на достижение стратегической цели.

Как справедливо заметил во время конференции в своей оценке перспектив сотрудничества Украины с НАТО и ЕС Посол Республики Польша в Украине (в настоящее время Посольство РП – контактное посольство НАТО в Украине) Господин Марек Зюлковски, «трагические события [11 сентября] создают новые горизонты для нас... и я надеюсь, что те вопросы, которые мы сейчас обсуждаем, помогут создать новую стратегическую реальность в Европе – добрососедское сотрудничество Украины и ЕС – уже через 3-4 года».

Европейская безопасность: новые угрозы – старые ответы

В ходе исследования УЦЭПИ неожиданно оказалось, что не так уж и много можно найти специалистов, имеющих четкое представление о сути процессов, происходящих в сфере европейской безопасности, – даже эксперты ЕС часто демонстрируют довольно противоречивые подходы. Более того, точки зрения политиков и специалистов из руководящих органов как НАТО, так и ЕС также не всегда совпадают – например, по поводу географической зоны действий новосоздаваемых сил быстрого реагирования ЕС. Эта неопределенность прикрывается на Западе модным тезисом «конструктивной двусмысленности».

Ближайшие конкретные планы на будущее предполагают лишь создание до 2003 г. сил (корпуса) быстрого реагирования ЕС численностью около 60 тыс. человек, для усиления которого предполагается выделить 400 самолетов, 100 кораблей и 5 тыс. гражданских полицейских.

Общие характеристики сил быстрого реагирования ЕС

Задача	В рамках «петербургских задач»: – гуманитарные и поисковые задачи; – миротворческие задачи; – задача боевых подразделов относительно урегулирования кризисов, включительно с установлением мира
Численность	50-60 тыс. *
Боевой состав	15 бригад
Термин развертывания	60 дней
Продолжительность выполнения задач	1 год
Способы поддержки	400 самолетов, 100 кораблей
Географическая зона применения	Неопределенная. Возможные варианты: – в пределах границ ЕС; – в границах самых близких стран-соседей ЕС; – в границах зоны интересов ЕС в общих чертах; – в радиусе 4000** км от Брюсселя

Индивидуальные обязательства: Германия – 13,500, Великобритания – 12,500, Франция – 12,000, Италия – 6,000, Испания – 6,000, Нидерланды – 5,000, Греция – 3,500, Австрия – 2,000, Финляндия – 2,000, Швеция – 1,500, Бельгия – 1,000, Ирландия – 1,000, Португалия – 1,000, Люксембург – 100. Дания не определилась относительно выделения войск, однако выделит их в случае необходимости – очевидно, в состав шведского или финского батальонов.

*** Предложение министра обороны Франции Алана Ришара.*

Итак, в рамках новосоздаваемой структуры ЕС – Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) – конкретные мероприятия осуществляются лишь в направлении создания сил быстрого реагирования. То есть понятие безопасности пока сужено до проблем обороны – созданные органы, по сути, занимаются военными вопросами. Они не интегрированы и не скоординированы ни с Европоллом, ни с Комитетом по гражданским аспектам урегулирования кризисов, призванным заниматься вопросами ликвидации последствий природных и техногенных

катастроф. В то же время характер современных угроз европейской безопасности далеко не всегда имеет чисто военную природу.

Среди современных угроз наибольшую опасность, учитывая возможность перерастания в военное противостояние, представляют межэтнические и религиозные конфликты. Подобных конфликтов, на разных стадиях и в разных формах, в Европе немало, в т. ч. неподалеку от границ Украины: на Кавказе (Абхазия, Нагорный Карабах, Осетия, Чечня), в Молдове (Приднестровье), на Кипре, на Балканах (СРЮ, Македония, Албания и другие страны), в Турции. Развитые страны Европы не всегда способны обеспечить устойчивый межэтнический и межконфессиональный мир с помощью традиционных (правовых, социальных, культурных) рычагов государственной политики.

Реальной угрозой европейской безопасности является международный терроризм. Огромные человеческие жертвы, колоссальные материальные убытки, психологический шок, испытанный жителями не только Америки, но и большинства стран мира, доказывают, что противодействие террористическим организациям должно рассматриваться как первоочередная задача структур безопасности, в т. ч. европейских. Технические возможности террористов повышаются, в частности в сфере новейших информационных технологий. Использование таких технологий в системах государственного управления и жизнедеятельности общества делает их особенно уязвимыми для терактов.

Угроза терроризма должна рассматриваться с учетом возможности использования террористами оружия массового поражения. (Причем химическое и биологическое оружие намного более доступно, чем ядерное.)

Все более актуальной для Европы становится борьба с нелегальным распространением оружия и наркотиков, поскольку кроме прямых негативных последствий оно приводит и к тому, что значительная часть доходов от этих видов преступной деятельности идет на финансирование участников вооруженных конфликтов и террористов.

Растет поток нелегальных мигрантов, причем значительное их количество, из-за проблем с легализацией, попадает в теневую экономику: по оценкам экспертов, в теневом секторе экономики стран ЕС сейчас задействовано около 20 млн. чел. Расслоение стран по уровню жизни увеличивает количество желающих убежать от бедности в богатые западноевропейские государства, тем более на фоне сокращения рынка труда в отдельных странах ЕС. По данным Европола, организованная нелегальная миграция является угрожающей проблемой для стран ЕС.

Ежегодно в Европу нелегально попадают сотни тысяч мигрантов. По некоторым оценкам, их количество достигает 10% населения Западной Европы.

Эти и прочие угрозы проявляются, как правило, в комплексе, имеют трансграничный характер, часто сопровождаются значительными человеческими жертвами и экономическими потерями. Соответственно, их локализация требует комплексных согласованных усилий многих государств.

Итак, через десять лет после окончания холодной войны ситуация в Европе характеризуется обострением транснациональных угроз. Традиционные военные способы (с привлечением имеющихся сил НАТО или корпуса быстрого реагирования ЕС) становятся все менее пригодными для противостояния этим угрозам. Как показал прежний опыт урегулирования локальных конфликтов в Европе, военной силой можно только приглушить открытую фазу конфликта. Окончательно же решить проблему военные никогда не могли, и эти конфликты продолжают «тлеть», угрожая вспышкой при определенных условиях. То есть вызывает определенные сомнения соответствие создаваемых в составе ЕС военных структур требованиям противодействия современным угрозам преимущественно «невоенного» характера.

Пока европейцы не могут направить достаточно средств даже в сферы, определенные приоритетными, – на транспортные средства и космическую разведку. США инвестируют на аналогичные цели в 10 раз больше, чем все страны ЕС. Не желая (не имея возможности) существенно пожертвовать своими социальными программами ради увеличения затрат на оборону, европейские страны пытаются повысить боеспособность вооруженных сил двумя путями: более эффективным использованием имеющихся средств и реформированием вооруженных сил (переведением их на профессиональную основу).

Определяя ресурсные потребности, ЕС, видимо, не учитывает реальные условия выполнения военных задач. Задекларированная цель создания сил быстрого реагирования численностью 60 тыс. чел. означает, что государства ЕС должны иметь в готовности контингент по крайней мере втрое больший, то есть 180–200 тыс. чел., поскольку при полном развертывании 60-тысячного контингента нужно иметь столько же военных в режиме подготовки к выполнению задач и ротации, а в случае долгосрочной операции еще треть будет восстанавливать боеспособность и отдыхать после выполнения задач.

Проблемным вопросом остается и неопределенность ЕС по поводу стратегии безопасности союза и зоны его ответственности

в рамках ЕПБО. Особенно это проявляется в вопросе географической зоны ответственности ЕС в рамках ЕПБО. Какой должна быть эта зона? Такой, какой она определяется для НАТО, – с возможностью применения силы за пределами стран-участниц – или иной? Будет эта зона охватывать все регионы (страны), где ЕС имеет свои интересы (то есть без каких-либо ограничений), или это будут действия ЕС в радиусе 4000 км от Брюсселя, о чем заявляют отдельные европейские лидеры? Четких ответов на эти вопросы нет. Более того, в дипломатическом лексиконе ЕС и НАТО уже прижился термин «конструктивная двузначность», за которым пытаются скрыть имеющиеся противоречия сторон и неготовность согласовать позиции в рамках ЕС и НАТО, не говоря уже о позициях других европейских государств за пределами этих двух организаций.

По мнению многих специалистов, ситуация требует новых решений, а блок НАТО в связи со своей спецификой организации коллективной обороны не всегда может предложить их в полной мере. Этот пробел, видимо, придется рано или поздно заполнять европейцам в рамках ЕПБО.

Силы быстрого реагирования, создаваемые ЕС, смогут противостоять угрозам на этапе прямого столкновения враждующих сторон, эскалации конфликта, при этом лишь частично охватывая другие «конфликтные фазы» зарождения противоречий – обострение напряженности между враждующими сторонами, перерастание в кризисные явления, разведение конфликтующих сторон после завершения конфликта, а также послеконфликтное урегулирование.

Таким образом, процесс создания новых структур безопасности и обороны в составе ЕС, несмотря на активную деятельность и громкие заявления, пока вызывает немало вопросов. До сих пор при наличии в Европе мощной дееспособной оборонной (военной) структуры, каковой является НАТО, новые структуры безопасности создавались не как органическое дополнение к НАТО, а скорее в виде европейского дублера (филиала) альянса. Вместо ориентации на предупреждение современных угроз европейской безопасности и противодействие им там, где международные структуры еще слабо организованы и подготовлены, – то есть в сфере угроз преимущественно невоенного характера, имеют место попытки ориентироваться лишь на проведение миротворческих операций, но уже под эгидой не НАТО, а ЕС, причем тогда, когда США или НАТО не сочтут нужным принимать в них участие. То есть на изменения характера угроз адекватных ответов у Европы пока нет.

Наиболее, пожалуй, емкую оценку характерных особенностей современного этапа развития сферы безопасности в Европе дал доктор Анджей Каркошка – представитель Центра демократического контроля над вооруженными силами (Швейцария): сейчас уже нет четкой грани между военной и невоенной сферами безопасности, нет четкой границы и между внутренней и внешней безопасностью государств. Мир глобализируется, и укрыться от современных угроз не удастся никаким нейтралитетом и никакими жесткими визовыми режимами.

Таким образом, новые угрозы действительно требуют новых подходов и общих усилий. Причем от всех сторон треугольника – и от НАТО, и от ЕС, и от Украины.

Украина настроена на активное сотрудничество как с НАТО, так и с ЕС: она поддерживает плодотворные отношения особого партнерства с альянсом и пытается развить отношения стратегического партнерства с ЕС. Как заявил министр иностранных дел Украины А. Зленко, «доктринально Украина разделяет концепцию новой Европы, основу которой составляют Европейский союз, Совет Европы и Организация Североатлантического договора. Именно эти институты являются ключевыми столпами европейского курса Украины».

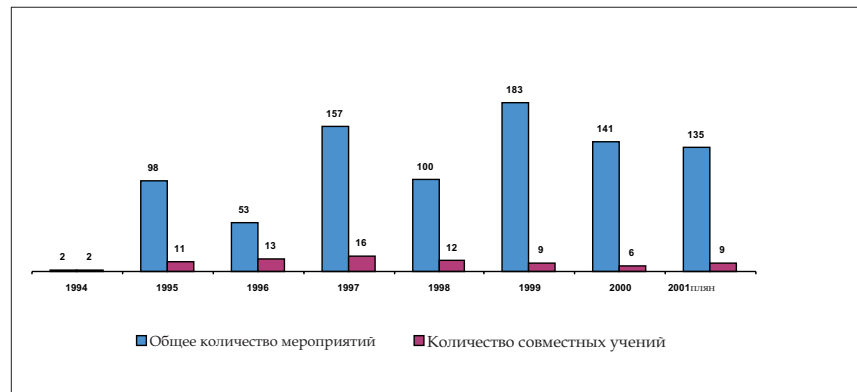
Украина стремится быть надежным партнером и предлагает свою помощь в разрешении европейских проблем. Это ее право и обязанность как неотъемлемой части Европы, ибо безопасность Европы – это безопасность Украины.

Украина-НАТО глазами населения: цепь проблем и парадоксов

Между Украиной и НАТО утвердились довольно конструктивные отношения на основе взаимопонимания и нацеленности на установление и поддержание мира в проблемных точках планеты. НАТО рассматривает Украину в качестве неотъемлемой составляющей Европы. Для Украины особые отношения с НАТО являются предпосылкой углубления взаимодействия со странами – членами альянса и сближения с ЕС. Формирование ЕПБО предоставляет Украине дополнительную возможность использовать партнерские отношения с НАТО для построения новой системы европейской безопасности.

Из 27 стран-партнеров Украина имеет едва ли не самую большую программу сотрудничества с НАТО и является единственным государством, кроме России, среди остальных участников программы «Партнерство ради мира» (ПРМ), с которой НАТО развивает отношения особого партнерства (См.

диаграмму «Динамика военного сотрудничества между Украиной и НАТО»).

Динамика военного сотрудничества между Украиной и НАТО

Кроме совместного решения чисто оборонных вопросов, НАТО существенно помогает Украине в разработке законодательной базы, введении демократического гражданского контроля над военной сферой, способствует адаптации уволенных в запас военнослужащих, поддерживает деятельность неправительственных исследовательских организаций, украинских ученых, оказывает информационную и техническую поддержку и т. п. Весьма перспективно сотрудничество с НАТО в сфере ликвидации последствий природных и техногенных катастроф.

При поддержке НАТО Украина уже сейчас принимает практическое участие в укреплении стабильности и безопасности в Европейском регионе и в мире. Кроме активных военных контактов в рамках ПРМ, Украина сотрудничает с НАТО в миротворческих операциях в Косово и Македонии.

Новым моментом в отношениях Украины с НАТО является утверждение генерального секретаря НАТО Дж. Робертсона о том, что «мероприятия сотрудничества между Украиной и НАТО направлены на то, чтобы дополнить общий процесс реформ в Украине. Они четко свидетельствуют о решительности альянса не оставить Украину одну на пути к будущему».

В трудное для НАТО время, после террористической атаки на США, Украина выступила с поддержкой альянса. «НАТО и Украина, – говорится в заявлении комиссии НАТО – Украина от 12 сентября 2001 г., – решительно осуждают эти зверства и совместно выступают за то, чтобы виновные были привлечены к ответственности и наказаны. В духе особого партнерства с НАТО

Украина заявляет о своей готовности сделать все возможное для обеспечения этой цели».

В то же время, кроме официальной позиции государственных органов Украины, есть и позиция населения, которую не следует недооценивать, хотя, очевидно, не стоит и преувеличивать.

Каким видят НАТО наши сограждане? Следует напомнить, что, по данным Фонда «Демократическая инициатива», в январе 1997 г. лишь 17,3% граждан Украины считали НАТО агрессивным блоком. Но в течение последующих лет этот процент резко возрос. Обозначилась стабильная тенденция явно негативного отношения значительной части граждан Украины к НАТО. Это подтверждают результаты всеукраинских социологических опросов, проведенных УЦЭПИ в июне 2000 г. и в августе 2001 г.

Несмотря на то, что большинство населения Украины (в 2000 г. – 53,8%, в 2001-м – 51,9%) не считает НАТО агрессивным военным блоком, остается стабильно большим (46,2% и 48,1%) количество тех, кто, наоборот, согласен именно с такой характеристикой НАТО. То есть респонденты, отрицательно относящиеся к альянсу, представляют почти половину взрослого населения Украины.

Такая динамика отношения украинских граждан к НАТО абсолютно логично сочетается с динамикой их оценок процесса расширения альянса. Здесь также (при сопоставлении результатов опросов, проведенных в июне 2000 г. и в августе 2001-го) вырисовываются довольно тревожные тенденции.

Количество считающих процесс расширения НАТО неблагоприятным заметно возросло – с 46,1% до 50,2%. Среди половины опрошенных, у которых расширение альянса вызывает тревогу, значительно (с 19,5% до 26,2%) увеличилась доля респондентов, считающих, что экспансия альянса на Восток может привести к втягиванию Украины в противостояние НАТО и России.

В общем, ситуация на первый взгляд выглядит парадоксальной. Ни с какой иной мировой структурой Украина не имеет столь высокого уровня военного сотрудничества, выгодного как с политической, так и с экономической точек зрения. Но почти половина (!) украинцев относятся к НАТО критически и, мягко говоря, не приветствуют процесс расширения альянса на Восток. Так в чем же причины?

По нашему мнению, причин критического отношения украинских граждан к НАТО несколько. Во-первых, на негативные оценки альянса, безусловно, влияют консервативно-ностальгические настроения определенной части населения

Украины, «наследие» антинаатовской пропаганды советских времен. Во-вторых, на фоне усиления в последнее время влияния РФ на Украину не снижается острота отношений между Россией и НАТО (в частности, вокруг проблемы расширения альянса). Российские СМИ имеют мощные позиции в украинском информационном пространстве и соответствующим образом влияют на отношение украинцев к НАТО. В-третьих, большая часть граждан просто не знакома с конкретными направлениями сотрудничества Украины с НАТО, в частности, в рамках программы ПРМ: почти две трети опрошенных (64,4%) или не знают об этой программе вообще, или о том, что Украина принимает в ней участие. Западная информация о НАТО до рядового украинца не доходит.

Создается впечатление, что НАТО оценивает ностальгически настроенный украинец, мало что знающий об альянсе и смотрящий на него «восточными» глазами. В каждой шутке, как известно, есть доля истины...

Четвертой причиной является отношение населения к военной операции альянса на Балканах (при проведении которой не была в достаточной степени учтена позиция Украины). Здесь речь не об особом отношении украинцев к Югославии, а, скорее, об убежденности большинства граждан (56,6%) в том, что НАТО вообще не имел права вмешиваться во внутренние дела суверенной страны, даже для решения гуманитарных проблем.

Как видно из приведенных выше результатов исследования, в украинском обществе сохраняется (по крайней мере в течение последних двух лет) устойчивая тенденция критического отношения к НАТО со стороны значительной части населения. Можно по-разному смотреть на альянс, но не считаться с этой мощнейшей и влиятельнейшей военно-политической структурой невозможно. Какими должны быть отношения Украины с НАТО? Мнения украинцев по этому поводу, безусловно, вызывают интерес.

Любопытны ответы наших граждан на вопрос «Какая форма отношений с НАТО соответствует национальным интересам Украины?» По мнению большей части населения, из всех возможных форм отношений Украины с НАТО ее национальным интересам соответствует именно внеблоковый (нейтральный) статус (хотя количество сторонников этого варианта в течение года несколько уменьшилось – с 45,6% до 42,1%). Заметно (почти вдвое) сократилось количество респондентов, поддерживающих вступление Украины в НАТО (с 15,4% до 8,8%). Но и сторонников военной интеграции на Восток, то есть вступления Украины в Ташкентский договор, сегодня не очень много – 12,5%.

Подобные оценки имеют многоуровневую мотивацию и одним лишь скепсисом по отношению к НАТО не объясняются. Видимо, люди осознают, что сегодня Украина находится вне процесса расширения НАТО и ЕС и за пределами соответствующих трансформаций в СНГ. Эта ситуация объективно налагает на Украину функции именно нейтрального (внеблокового) «государства-моста».

Украина-ЕС: желаемое и реальное

После принятия в 1999 г. общей стратегии ЕС по отношению к Украине и определения уровня стратегического партнерства между Украиной и ЕС возник вопрос об институционализации отношений в сфере внешней политики и безопасности.

В сентябре 2000 г. Украина разработала и подала в ЕС меморандум «Укрепление сотрудничества между Украиной и Европейским союзом в сфере внешней политики, безопасности, военного и военно-технического сотрудничества». Но ЕС оказался не готов принять широкомасштабные украинские предложения.

Недавно в совместном заявлении по итогам Ялтинского саммита Украина-ЕС (11 сентября 2001 г.) стороны «отметили дальнейшее развитие нашего диалога, сотрудничества и консультаций по вопросам безопасности и обороны», а также констатировали, что «Украина может быть приглашена к участию в проводимых ЕС операциях».

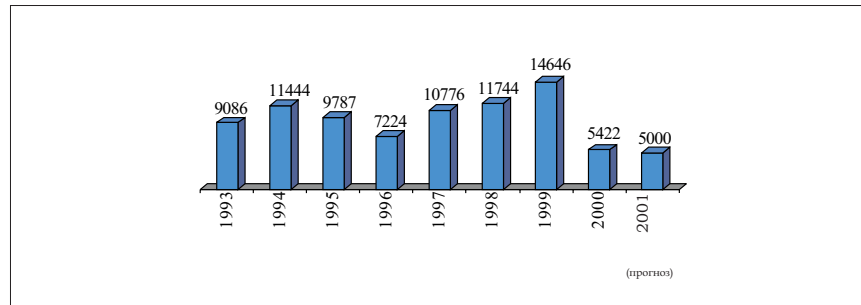
Однако реальное двустороннее сотрудничество в сфере безопасности пока значительно отстает от задекларированных целей. В то же время на отдельных направлениях осуществляются конкретные практические шаги.

Это касается прежде всего юстиции и органов внутренних дел, поскольку именно это направление приобретает особую актуальность в контексте расширения ЕС, – Европейский союз заинтересован в укреплении безопасности своих восточных границ после вступления кандидатов из числа стран Центральной Европы.

Уже сейчас помощь с обустройством границ оказывается не только странам-кандидатам на вступление в ЕС (Польше, Словакии, Венгрии), но и Украине. В частности, укреплению украинско-российского участка границы существенно помогло МВД Германии (DM 3 млн. в 2001 г.). В результате поток нелегальных мигрантов через Украину уменьшился втрое (См. диаграмму «Количество нелегальных мигрантов, задержанных при

попытке незаконного перехода через государственную границу Украины»).

Количество нелегальных мигрантов, задержанных при попытке незаконного перехода через государственную границу Украины

В общем, опыт сотрудничества Украины с ЕС свидетельствует, что для Украины вполне реально стать членом объединенной Европы. Безусловно, скорость сближения Украины и ЕС зависит прежде всего от укрепления демократических основ украинского общества, развития рыночной экономики. Несмотря на наличие определенных проблем в этих сферах, даже при нынешних условиях потенциал углубления сотрудничества Украины с ЕС в сфере безопасности не стоит недооценивать.

Во-первых, среди прочих стран, желающих вступить в ЕС, Украина заметно выделяется: в сфере безопасности она может быть не только потребителем, но и реальным вкладчиком — в области стратегических транспортных перевозок, использования космоса, разведки, миротворческого участия, правоохранительной деятельности, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и т. п.

Во-вторых, в направлении вступления в ЕС Украина может двигаться как через непосредственное сотрудничество с союзом, так и используя имеющиеся возможности сотрудничества с НАТО: по мнению главы Государственной комиссии по вопросам оборонно-промышленного комплекса В. Горбулина, «статус Украины как государства, имеющего особые отношения с НАТО, открывает реальные перспективы для приближения к стартовой позиции, с которой она могла бы рассматриваться как потенциальный член Европейского союза».

Результаты проведенного опроса позволяют утверждать, что отношение населения Украины к военной структуре ЕС в основном сдержанно-позитивное. Почти треть респондентов (32,8%) считают, что силы быстрого реагирования ЕС станут

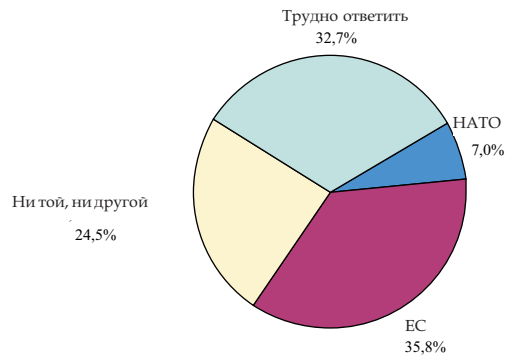
«эффективным инструментом обеспечения безопасности в Европе», вдвое меньше (17,1%) — отводят им роль «европейского жандарма».

Таким образом, вырисовываются определенные подходы в отношении мирных украинских граждан к НАТО и силам быстрого реагирования ЕС. Сопоставление их обобщенных характеристик довольно контрастно. Но не в последнюю очередь этот контраст объясняется тем, что история НАТО содержит немало неоднозначных, невзвешенных действий, альянс имеет немало оппонентов. Силы же быстрого реагирования ЕС начинают с «чистого листа». Они, скорее, желаемый образ военной структуры. А сравнение реального и желаемого всегда в пользу последнего.

Поэтому неудивительно, что на вопрос «Какой военной структуре Украина должна отдавать предпочтение: НАТО или ЕПБО в составе ЕС?» большая часть респондентов (35,8%) отвечает: «Военной организации ЕС». В пользу НАТО выступило в 5 раз меньше (7%) респондентов (См. диаграмму «Какой военной структуре Украина должна отдавать предпочтение: НАТО или ЕПБО в составе ЕС?»).

Какой военной структуре Украина должна отдавать предпочтение, НАТО или ЕПБО в составе ЕС?

Однако на фоне явного преобладания симпатий населения к

сотрудничеству с военной организацией ЕС привлекает внимание то, что более половины опрошенных или воздержались от ответа, или вообще против сотрудничества как с военной структурой ЕС, так и с НАТО. Однако весьма примечательным является следующий результат. На вопрос «Должна ли Украина принимать непосредственное участие в формировании сил быстрого реагирования и миротворческих операциях под эгидой

ЕС?» почти половина респондентов (49,7%) ответили «да»; 23,6% придерживаются противоположного мнения, а 26,7% воздержались от ответа.

При этом большинство граждан Украины (57,3%) убеждены, что ЕС заинтересован в привлечении Украины к сотрудничеству в сфере безопасности и обороны.

Таким образом, идет сложный процесс формирования в общественном сознании отношения к ключевым для нашего государства проблемам: расширения ЕС к границам Украины и материализации общей европейской политики безопасности и обороны. Уже сегодня можно отметить положительное отношение населения Украины к силам быстрого реагирования под эгидой ЕС.

Очевидно, что определенная противоречивость, неопределенность позиций населения Украины по отношению к процессам, идущим на Европейском континенте, обусловлена как количеством и сложностью проблем внутренних трансформаций ЕС (в частности в военной сфере), так и недостатком информации.

Итак...

Ситуация безопасности в Европе за последние 10 лет существенно изменилась. Основные «игроки» – НАТО и ЕС – пытаются отреагировать на эти изменения, но не всегда адекватно, принимая обычные, военные, не вполне соответствующие ситуации, меры.

Под давлением обстоятельств происходят существенные изменения в архитектуре европейской безопасности. В частности, **ЕС – это уже не только экономическая и политическая организация, это уже и организация безопасности.**

С ЕС Украина стремится развить сотрудничество, которое, учитывая наш потенциал и опыт контактов с НАТО, в настоящее время имеет наибольшие перспективы именно в сфере безопасности. То есть **нынешние изменения – это для Украины шанс и ответственность.**

Шанс потому, что именно в сфере безопасности Украина является не просителем, а реальным и состоятельным партнером. Но этот шанс Украина реализует только в том случае, если будет помнить об ответственности в собственном доме – о необходимости укрепления основ демократии и рыночной экономики, ускорения реформ, особенно в оборонной и правоохранительной сферах.

* Замечанные опечатки исправлены